

АДВОКАТСКАЯ ПАЛАТА города Москвы С О В Е Т

РЕШЕНИЕ

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе ..., рассмотрев посредством видео-конференц-связи в закрытом заседании с участием: представителя заявителя Е. – адвоката А. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы; удостоверение № ... выдано Главным управлением Министерства юстиции Российской Федерации по Москве 28 декабря 2020 года; ордер от 08 июня 2021 года № ...), адвоката Т., его представителя – адвоката П. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы; удостоверение № ... выдано Главным управлением Министерства юстиции Российской Федерации по Москве 27 января 2021 года; ордер от 17 сентября 2021 года № ...) дисциплинарные производства, возбужденные по жалобе Е. от 28 мая 2021 года (вх. № ... от 03.06.2021); по жалобе Р. от 16 декабря 2021 года (вх. № ... от 21.12.2021) и по представлению вице-президента Адвокатской палаты города Москвы ... от 28 января 2022 года № ...; по представлению вице-президента Адвокатской палаты города Москвы ... от 31 января 2022 года № ... в отношении адвоката Т. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы),

установил:

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 09 февраля 2022 года (по представлению вице-президента Адвокатской палаты города Москвы ... исх. от 31 января 2022 года № ...) адвокат Т.:

- нарушил взаимосвязанные положения пп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 9 п. 1 ст. 9 и п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката, что выразилось в осуществлении защиты Б. в период с 01 апреля 2020 года по 18 мая 2021 года в ходе предварительного расследования Г. МРСО СУ по ... ГСУ СК России по городу Москве уголовного дела № ... и в Г. районном суде города Москвы, включая подачу 18 мая 2021 года апелляционной жалобы на приговор Г. районного суда города Москвы от 05 апреля 2021 года по уголовному делу № ..., в нарушение установленного Порядка назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве (утверждён Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 15 марта 2019 года), а также Правил Адвокатской палаты города Москвы по исполнению Порядка назначения

адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве, утвержденного решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 15 марта 2019 года, а также по организации участия адвокатов в гражданском и административном судопроизводстве по назначению суда в порядке ст. 50 ГПК РФ, ст. 54 КАС РФ (утверждены Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 30 сентября 2019 года № 176).

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 02 марта 2022 года (по жалобе Е. от 28 мая 2021 года (вх. № ... от 03.06.2021) адвокат Т.:

- ненадлежаще, вопреки предписаниям пп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, пп. 9 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнил профессиональные обязанности перед доверителем Е. (честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно отстаивать права и законные интересы доверителя), что выразилось во вступлении 01 апреля 2021 года в уголовное дело № ... в качестве защитника Е. по назначению следователя Г. МРСО СУ по ... ГСУ СК России по городу Москве К. в нарушение установленного Порядка назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве (утверждён Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 15 марта 2019 года) и абз. 4 п. 10, п. 15 Правил Адвокатской палаты города Москвы по исполнению Порядка назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве, утвержденного Решением Совета ФПА РФ от 15 марта 2019 года, а также по организации участия адвокатов в гражданском и административном судопроизводстве по назначению суда в порядке ст. 50 ГПК РФ, ст. 54 КАС РФ, утвержденных Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 30 сентября 2019 года № 176 и согласованных решением Совета Федеральной палаты адвокатов РФ от 24 сентября 2019 года.

В оставшейся части дисциплинарное производство признано подлежащим прекращению вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 09 февраля 2022 года (по жалобе Р. от 16 декабря 2021 года (вх. № ... от 21.12.2021 и по представлению вице-президента Адвокатской палаты города Москвы ... от 28 января 2022 года № ...) адвокат Т.:

- нарушил взаимосвязанные положения пп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 9 п. 1 ст. 9 и п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката, что выразилось в осуществлении защиты 20 мая 2021 года Р., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ч. 3 ст. 131 УК РФ, по уголовному делу № ..., находившемуся в производстве следователя Б. МРСО СУ по ... ГСУ СК России по городу Москве, в

нарушение установленного Порядка назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве (утверждён Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 15 марта 2019 года), а также Правил Адвокатской палаты города Москвы по исполнению Порядка назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве, утвержденного Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 15 марта 2019 года, а также по организации участия адвокатов в гражданском и административном судопроизводстве по назначению суда в порядке ст. 50 ГПК РФ, ст. 54 КАС РФ (утверждены Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 30 сентября 2019 года № 176);

- ненадлежаще, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 и ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнил свои профессиональные обязанности перед доверителем Р. (честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно отстаивать права и законные интересы доверителя, следить за соблюдением закона в отношении доверителя и в случае нарушений прав доверителя ходатайствовать об их устранении), что выразилось в принятии им, в условиях нарушения права Р. на свободный выбор защитника, участия 20 мая 2021 года в производстве перечисленных выше следственных и иных процессуальных действий по уголовному делу № ..., находящемуся в производстве Б. МРСО СУ по ... ГСУ СК России по городу Москве;

В оставшейся части дисциплинарное производство признано подлежащим прекращению вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

На основании п. 2.1 статьи 20 Кодекса профессиональной этики адвоката Совет объединил в одно указанные выше дисциплинарные производства, возбужденные в отношении адвоката Т., и рассмотрел объединённое дисциплинарное производство.

Заявитель Р., извещённый надлежащим образом, в заседание Совета не явился, содержится под стражей. Правом на участие представителя не воспользовался.

Адвокат Т. в заседании Совета подтвердил своевременность получения заключений Квалификационной комиссии по каждому из трех перечисленных выше дисциплинарных производств и ознакомление с ними. С выводами Комиссии адвокат Т. согласен, не оспаривает их, но возражает против доводов представителя заявителя Е. - адвоката А., содержащихся в письменных возражениях последнего от 26 апреля 2022 года (вх. № ... от 26.04.2022). Мотивы своих возражений адвокат Т. поручил изложить своему представителю. Совершение дисциплинарных нарушений, установленных в его действиях Квалификационной комиссией, объяснил своей низкой компьютерной грамотностью, а также стремлением помогать людям.

Пояснил, что его адвокатский стаж составляет около 20 лет, до этого работал врачом, является кандидатом медицинских наук.

Представитель адвоката Т. - адвокат П., поддержав позицию адвоката Т., дополнительно пояснила, что доводы возражений представителя заявителя Е. – адвоката А., по их мнению, не могут быть приняты во внимание при принятии решения. Так, применительно к доводу о несоблюдении адвокатом Т. требования о 24-х часовом сроке для приглашения защитника адвокат П. обращает внимание на то, что до вступления в уголовное дело адвоката Т. в качестве защитника Е. по назначению в деле уже участвовал защитник по назначению – адвокат А., с участием которого был произведен допрос подозреваемого. В связи с этим адвокат Т. не может быть признан нарушившим 24-х часовой срок.

Представитель адвоката Т. также не согласна с доводами представителя заявителя о том, что Квалификационная комиссия вышла за пределы доводов жалобы Е. Комиссия при разбирательстве не выходила за пределы жалобы, а в Заключении дала оценку как доводам заявителя и его представителя, так и доводам адвоката Т. и его представителя. Комиссия была обязана это сделать для обеспечения состязательности и объективности разбирательства, и это не может считаться выходом за пределы жалобы.

Наконец, адвокат П. считает, что адвокат А. выдвигает необоснованные претензии в отношении адвоката Т., пытаясь переложить на него ответственность за допущенные им самим ошибки и упущения при оказании юридической помощи Е.

Представитель заявителя Е. – адвокат А. подтвердил своевременность получения Заключения Квалификационной комиссии от 02 марта 2022 года и ознакомление с ним. С итоговыми выводами Комиссии согласен, за исключением вывода о соблюдении адвокатом Т. 24-х часового срока. В обоснование своего несогласия адвокат А. обращает внимание, что согласно УПК РФ лицо считается задержанным в качестве подозреваемого, когда в отношении него составлен протокол задержания в качестве подозреваемого. Исходя из этого, по его мнению, и следует исчислять 24-х часовой срок для явки защитника по соглашению. При этом поддержал свою просьбу, изложенную в письменном обращении (вх. № ... от 26.04.2022), не направлять повторно дисциплинарное производство в Квалификационную комиссию и принять решение по существу в данном заседании Совета. Выбор меры дисциплинарной ответственности адвоката Т. оставил на усмотрение Совета.

Рассмотрев и обсудив заключения Квалификационной комиссии и материалы объединённого дисциплинарного производства, выслушав явившихся участников, Совет соглашается с выводами Квалификационной комиссии, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах.

Так, установлено, что адвокат Т. 01 апреля 2020 года в 03.50 час. в нарушение установленного порядка вступил в качестве защитника по

назначению в уголовное дело № ... по обвинению Б. в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ч. 3 ст. 132 УК РФ.

В дальнейшем адвокат Т. участвовал в защите Б. в качестве защитника по назначению на стадии предварительного расследования уголовного дела № ... Г. МРСО СУ по ... ГСУ СК России по городу Москве (с момента задержания Б. 01 апреля 2020 года в порядке, предусмотренном ст. 91 УПК РФ) и на стадии судебного разбирательства по этому уголовному делу в Г. районном суде города Москвы.

18 мая 2021 года адвокатом Т. в экспедицию Г. районного суда города Москвы на приговор данного суда от 05 апреля 2021 года по уголовному делу № ... была подана апелляционная жалоба.

Адвокат Т. свое вступление в уголовное дело № ... по обвинению Б. по п. «а» ч. 3 ст. 132 УК РФ минуя Автоматизированную информационную систему Адвокатской палаты города Москвы (АИС АПМ) не отрицает, поясняет, что сделал это на основании обращения к нему неизвестной женщины, представившейся сожительницей Б. и обещавшей заключить с ним соглашение, но не исполнившей своего обещания.

Помимо объяснений самого адвоката Т., его ненадлежащее, минуя АИС АПМ, вступление в уголовное дело № ... в качестве защитника Б., обвинявшегося в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ч. 3 ст. 132 УК РФ, подтверждается служебной запиской руководителя IT отдела Адвокатской палаты города Москвы Богданова Д.М. от 08 февраля 2022 года. Из неё следует, что в АИС АПМ требований из Г. МРСО СУ по ... ГСУ СК России по городу Москве об обеспечении участия 01 апреля 2020 года в уголовном деле № ... защитника задержанного Б., а также из Г. районного суда города Москвы в ноябре 2020 года об обеспечении участия в уголовном деле № ... адвоката в качестве защитника подсудимого Б. в порядке, установленном статьями 50 и 51 УПК РФ, не поступало.

Участие в указанном уголовном деле адвоката Т. в качестве защитника Б. подтверждается и документами, поступившими в Адвокатскую палату города Москвы из Г. районного суда города Москвы и перечисленными в тексте соответствующего заключения Квалификационной комиссии.

Помимо этого, установлено, что 20 мая 2021 года следователем Б. МРСО СУ по ... ГСУ СК России по городу Москве в отношении Р. было возбуждено уголовное дело № ... по признакам преступления, предусмотренного п. «а» ч. 3 ст. 131 УК РФ. Этим же постановлением следователя были возбуждены уголовные дела в отношении граждан Р. и По.

20 мая 2021 года адвокат Т. вступил в указанное уголовное дело в качестве защитника подозреваемого Р. по назначению следователя. При этом адвокат Т. заполнил ордер № ..., выданный ему Адвокатской конторой № ... Коллегии адвокатов «...», указав в качестве основания выдачи ордера «ст. 51 УПК РФ, п.к. 187».

Адвокат Т. не отрицает, что законных оснований для его вступления в указанное уголовное дело в качестве защитника Р. не имелось, соглашения на защиту Р. с ним не заключалось, заявку через Автоматизированную

информационную систему Адвокатской палаты города Москвы (АИС АПМ) на обеспечение участия адвоката в качестве защитника Р. по назначению следователя он не принимал.

Из отчета по заявке в АИС АПМ № ... следует, что она была размещена в АИС АПМ Б. МРСО СУ по ... ГСУ СК России по городу Москве 20 мая 2021 года в 19.20 час. для обеспечения 20 мая 2021 года в 21.35 час. участия адвоката по назначению следователя в качестве защитника Р. по уголовному делу № ... Адвокат по указанной заявке АИС АПМ не назначался, так как данная заявка была отменена инициатором. Кроме этого, к указанному в заявке времени все следственные и иные процессуальные действия с Р. были фактически завершены. Последнее следственное действие 20 мая 2021 года – допрос Р. в качестве обвиняемого – было проведено следователем в период с 21.15 час. до 21.50 час.

Давая оценку установленным выше фактическим обстоятельствам, Совет отмечает, что согласно Федеральному закону «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»:

– адвокатская палата субъекта Российской Федерации создается, в том числе, в целях обеспечения оказания квалифицированной юридической помощи, ее доступности для населения на всей территории данного субъекта Российской Федерации, организации юридической помощи, оказываемой гражданам Российской Федерации бесплатно, контроля за соблюдением адвокатами Кодекса профессиональной этики адвоката (п. 4 ст. 29); при этом Совет адвокатской палаты «организует оказание юридической помощи адвокатами, участвующими в качестве защитников в уголовном судопроизводстве по назначению органов дознания, органов предварительного следствия или суда, в соответствии с порядком, определенным советом Федеральной палаты адвокатов; доводит этот порядок до сведения указанных органов, адвокатов и контролирует его исполнение адвокатами» (пп, 5 п. 3 ст. 31);

– Федеральная палата адвокатов Российской Федерации как орган адвокатского самоуправления в Российской Федерации создается в целях координации деятельности адвокатских палат (п. 2 ст. 35); Совет Федеральной палаты адвокатов РФ определяет порядок оказания юридической помощи адвокатами, участвующими в качестве защитников в уголовном судопроизводстве по назначению органов дознания, органов предварительного следствия или суда, и поручает советам адвокатских палат организацию его исполнения (пп. 3.1 п. 3 ст. 37); координирует деятельность адвокатских палат, в том числе по вопросам оказания адвокатами юридической помощи гражданам Российской Федерации бесплатно в рамках государственной системы бесплатной юридической помощи и их участия в качестве защитника в уголовном судопроизводстве по назначению органов дознания, органов предварительного следствия или суда либо в качестве представителя в гражданском или административном судопроизводстве по назначению суда (пп. 4 п. 3 ст. 37).

В соответствии с пп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат обязан выполнять решения органов адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, принятые в пределах их компетенции.

В соответствии с пп. 9 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, адвокат не вправе оказывать юридическую помощь по назначению органов дознания, органов предварительного следствия или суда в нарушение порядка ее оказания, установленного решением Совета.

В рамках полномочий, предоставленных ему ч. 3 ст. 50 УПК РФ, пп. 3.1 п. 3 ст. 37 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», Совет Федеральной палаты адвокатов своим Решением от 15 марта 2019 года утвердил «Порядок назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве», абз. 2 п. 2.1 которого установлено, что «В целях организации исполнения настоящего Порядка советы адвокатских палат субъектов Российской Федерации в пределах своих полномочий, предусмотренных подпунктом 5 пункта 3 статьи 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», принимают Региональные правила с учетом региональных особенностей.

Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 30 сентября 2019 года № 176 утверждены «Правила Адвокатской палаты города Москвы по исполнению Порядка назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве, утвержденного Решением Совета ФПА РФ от 15 марта 2019 года, а также по организации участия адвокатов в гражданском и административном судопроизводстве по назначению суда в порядке ст. 50 ГПК РФ, ст. 54 КАС РФ». Данные Правила доведены до сведения членов адвокатского сообщества и других лиц путем опубликования в официальном печатном издании «Вестник Адвокатской палаты города Москвы» (*Выпуск № 3 (146) 2019. С. 2-12*) и в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на официальном сайте Адвокатской палаты города Москвы <http://www.advokatmoscow.ru>.)

В соответствии с п. 3 указанных Правил обработка уведомлений дознавателей, следователей или судов о принятом решении о назначении адвокатов осуществляется Адвокатской палатой города Москвы исключительно посредством АИС АПМ. Принятие и (или) осуществление адвокатом защиты или представительства по назначению, поступившему к нему не через АИС АПМ, а равно нарушение иных положений настоящих Правил являются дисциплинарным проступком и влекут за собой применение мер дисциплинарной ответственности.

При таких обстоятельствах Совет приходит к выводу, что адвокат Т. участвовал в защите Б. на стадиях предварительного расследования и судебного разбирательства в период с 01 апреля 2020 года по 18 мая 2021 года и в защите Р. на стадии предварительного расследования 20 мая 2021

года в нарушение вышеуказанных Порядка назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве и Правил Адвокатской палаты города Москвы по исполнению данного Порядка, чем нарушил взаимосвязанные положения пп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 9 п. 1 ст. 9 и п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Квалификационной комиссией также правильно установлено, что 20 и 22 мая 2021 года Р. подавал письменные заявления, находящиеся в уголовном деле № ..., в которых выразил согласие на участие в уголовном деле защитников – адвокатов Т. и З. При этом Р. было достоверно известно, что ни им самим, ни его родственниками никаких соглашений на его защиту не заключалось.

Совет отмечает, что в соответствии с ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, участвуя в судопроизводстве, адвокат должен соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства, следить за соблюдением закона в отношении доверителя и в случае нарушений прав последнего ходатайствовать об их устранении.

Согласно пп. «а» и «в» п. 4 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве (*Принят VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 года, опубликован на официальном сайте Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации <<http://fparf.ru>>, а также в издании «Вестник Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации. 2017. № 2 (57)», стр. 140-142*), в рамках первого свидания с подозреваемым, обвиняемым адвокату следует: выяснить наличие обстоятельств, препятствующих принятию поручения на защиту или исключающих участие данного адвоката в производстве по уголовному делу; разъяснить право на приглашение защитника по соглашению в случае, если адвокат осуществляет защиту по назначению.

Адвокат Т. вступил в уголовное дело сразу после его возбуждения, и с его участием в отношении Р. проводились все первичные следственные и иные процессуальные действия, предшествующие составлению протокола задержания подозреваемого Р. 20 мая 2021 года в 20.50 час. При этом адвокату Т. было достоверно известно, что статус подозреваемого Р. приобрел не в силу своего задержания в порядке, предусмотренном ст. 91 УПК РФ, а на основании положений пп. 1 ч. 1 ст. 46 УПК РФ - в связи с возбуждением в отношении Р. в 16.55 час. 20 мая 2021 года Б. МРСО СУ по ... ГСУ СК России по городу Москве вышеуказанного уголовного дела.

Данное обстоятельство не отрицается и самим адвокатом Т., указавшим в заседании Комиссии 09 февраля 2022 года, что им, при вступлении в уголовное дело, были изучены отдельные процессуальные документы, включая постановление о возбуждении уголовного дела.

При этом ни из объяснений адвоката Т., ни из материалов дисциплинарного производства не усматривается, что он разъяснял Р. положения ч. 1 – 3 ст. 50 УПК РФ, а из содержания протоколов допросов Р. в качестве подозреваемого и обвиняемого, а также листа разъяснения прав

постановления следователя о привлечении Р. в качестве обвиняемого от 20 мая 2021 года следует, что право самостоятельно пригласить защитника ему вообще не разъяснялось. Не представлено в материалы дисциплинарного производства и адресованное следователю ходатайство Р. об обеспечении в деле участия защитника по назначению (ч. 2 ст. 50 УПК РФ).

При таких обстоятельствах Совет считает, что в ситуации неразъяснения следователем в ходе первичного допроса Р. в качестве подозреваемого от 20 мая 2021 года права самостоятельно пригласить защитника и в отсутствие ходатайства Р. об обеспечении его защитником по назначению, а также во взаимосвязи с отсутствием у адвоката Т. достоверных сведений о наличии или отсутствии у следователя в дальнейшем плана задержать Р. в порядке, предусмотренном ст. 91 УПК РФ, адвокат Т. как профессиональный участник уголовного судопроизводства обязан был осознавать наличие дополнительной причины невозможности своего вступления в уголовное дело в качестве защитника Р. по назначению следователя, поскольку это фактически лишило Р., получившего статус подозреваемого не в связи с его задержанием в соответствии со ст. 91 и 92 УПК РФ, права на свободный выбор защитника как в сроки, предусмотренные ч. 3 ст. 50 УПК РФ, так и в сроки, предусмотренные ч. 4 ст. 50 УПК РФ.

Установив указанные обстоятельства непосредственно в момент вступления в уголовное дело, адвокату Т. следовало прежде всего разъяснить доверителю Р. положения ч. 1 – 3 ст. 50 УПК РФ. Однако эта профессиональная обязанность им не была исполнена.

С учетом изложенного Совет приходит к выводу о ненадлежащем, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 и ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнении адвокатом Т. своих профессиональных обязанностей перед доверителем Р. (честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно отстаивать права и законные интересы доверителя, следить за соблюдением закона в отношении доверителя и в случае нарушений прав доверителя ходатайствовать об их устранении), что выразилось в принятии им, в условиях нарушения права Р. на свободный выбор защитника, участия 20 мая 2021 года в производстве перечисленных выше следственных и иных процессуальных действий по уголовному делу № ..., находящемуся в производстве Б. МРСО СУ по ... ГСУ СК России по городу Москве.

Давая оценку выдвинутому в представлении вице-президента Адвокатской палаты города Москвы ... дисциплинарному обвинению в том, что адвокат Т. 20 мая 2021 года принял на себя защиту Р. на стадии предварительного расследования до истечения 24-часового срока после его задержания в нарушение Разъяснения Совета Адвокатской палаты города Москвы № 9 от 24 сентября 2015 года, Совет считает необходимым обратить внимание на следующее.

Из буквального толкования Разъяснения Совета Адвокатской палаты города Москвы от 24 сентября 2015 года «О соблюдении требований части 3 и части 4 статьи 50 УПК РФ при осуществлении защиты по назначению» (далее – Разъяснения Совета № 9 от 24 сентября 2015 года) следует, что его действие распространяется на случаи, когда вступление адвоката в уголовное дело по назначению дознавателя, следователя или суда в качестве защитника задержанного, подозреваемого или заключенного под стражу подозреваемого, происходило в соответствии с Порядком назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве (утв. решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 15 марта 2019 года), а также Правилами Адвокатской палаты города Москвы по исполнению Порядка назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве, утвержденного решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 15 марта 2019 года, а также по организации участия адвокатов в гражданском и административном судопроизводстве по назначению суда в порядке ст. 50 ГПК РФ, ст. 54 КАС РФ (утв. Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 30 сентября 2019 года № 176).

В ситуации, когда вступление адвоката Т. в уголовное дело № ... в качестве защитника Р. было очевидно осуществлено с нарушением вышеуказанного Порядка и Правил, оценка дисциплинарного обвинения в нарушении адвокатом Т. указанных Разъяснений Совета, выразившемся в том, что он приступил к защите Р. до истечения 24-часового срока после его задержания, хотя и допустима для оценки отдельных элементов профессионального поведения адвоката, однако не влияет на наличие основного нарушения, допущенного адвокатом Т., в результате которого само его участие в уголовном деле было изначально незаконным. Такой подход не противоречит требованиям п. 4 ст. 23 и п. 4 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, так как в этом случае отсутствует выход за пределы представления вице-президента Адвокатской палаты города Москвы ... от 28 января 2022 года № ..., но даётся оценка доказанности и обоснованности того дисциплинарного обвинения, которое было выдвинуто в упомянутом представлении, явившемся одним из поводов для возбуждения дисциплинарного производства.

Также Совет считает необходимым отметить, что Разъяснения от 24 сентября 2015 года № 9 устанавливают алгоритм действий адвоката, назначенного защитником задержанного подозреваемого или заключенного под стражу подозреваемого, по обеспечению реализации права подозреваемого на приглашение защитника, то есть в ситуации, когда возможности самого задержанного на реализацию права на свободный выбор защитника ограничены самим фактом его задержания.

Данный вывод основан на содержании анализируемых Разъяснений Совета, в котором, во взаимосвязи с требованиями действующего уголовно-процессуального закона - ч. 2 ст. 46 и ч. 4 ст. 50 УПК РФ, 24-часовой срок, предоставляемый задержанному подозреваемому на

реализацию его права на свободный выбор защитника, тесно увязан с обязанностью следователя допросить подозреваемого в течение этого же срока с момента его задержания. Именно по этой причине, в Разъяснениях 24-часовой срок явки приглашенного защитника с момента задержания подозреваемого или заключения подозреваемого под стражу назван особым, а ситуация, в которой оказывается подозреваемый в первые часы после задержания – исключаяющей злоупотребление правом с его стороны.

Анализ установленных в ходе дисциплинарного производства фактических обстоятельств, имевших место в ситуации с подозреваемым Р., дает Совету основание утверждать о неприменимости Разъяснений Совета от 24 сентября 2015 года № 9 о соблюдении 24-часового срока адвокатом, назначенным защитником задержанного подозреваемого или заключенного под стражу подозреваемого, к сложившейся по конкретному уголовному делу процессуальной ситуации. Так, в указанных Разъяснениях отсутствует описание алгоритма действий адвоката в ситуации, когда статус подозреваемого приобретен лицом не в связи с его задержанием в порядке ст. 91 УПК РФ или заключением под стражу до предъявления обвинения, а по иным процессуальным основаниям, предусмотренным уголовно-процессуальным законом. Иными словами, сам факт наличия у лица статуса подозреваемого еще не свидетельствует о его фактическом задержании и, соответственно, о необходимости соблюдения 24-часового срока на приглашение защитника.

Квалификационной комиссией правильно установлено, что основанием для возбуждения 20 мая 2021 года Б. МРСО СУ по ... ГСУ СК России по городу Москве уголовного дела № ... по признакам преступления, предусмотренного п. «а» ч. 3 ст. 131 УК РФ в отношении конкретного лица – Р. – явились события, имевшие место еще 06 февраля 2021 года, по факту которых в Б. МРСО СУ по ... ГСУ СК России по городу Москве был зарегистрирован материал проверки № ...

Дополнительно Совет отмечает, что постановление о возбуждении уголовного дела содержит также сведения о неоднократном совершении братом Р. – Р.И. и По. иных преступлений, предусмотренных ст. 131, 132 и 134 УК РФ, в отношении не достигшей шестнадцатилетнего возраста Я. в период с 14 июля 2020 года по 15 февраля 2021 года, в том числе, при наличии добровольного согласия Я. на совершение с ней соответствующих действий.

Указанные обстоятельства, свидетельствующие о заведомой осведомленности всех участников расследуемых событий как друг о друге, так и об их взаимоотношениях между собой, во взаимосвязи с подтвержденными данными о проведении до возбуждения уголовного дел № ... доследственной проверки по данному факту, материалы которой были зарегистрированы в КУСП Б. МРСО СУ по ... ГСУ СК России по городу Москве за № ... еще 18 мая 2021 года, дают Совету основания утверждать об осведомленности Р. о проводимой в отношении него и иных лиц проверке, связанной с заявлением потерпевшей Я. в правоохранительные органы.

Данные обстоятельства косвенно подтверждаются и пояснениями адвоката Т., из которых следует, что при вступлении в уголовное дело он ознакомился с данными в ходе доследственной проверки с объяснениями Р. по обстоятельствам дела.

Представленные в дисциплинарное производство материалы не содержат каких-либо данных, свидетельствующих о фактическом задержании Р. до момента возбуждения уголовного дела – 20 мая 2021 года в 16.55 час. Единственное упоминание об этих обстоятельствах имеется только в жалобе Р. в Адвокатскую палату города Москвы от 16 декабря 2021 года, однако эти сведения не подтверждены иными материалами.

Таким образом, материалами дисциплинарного производства достоверно установлено, что первоначально статус подозреваемого в рамках уголовного дела № ... Р. приобрел не в силу своего задержания в порядке, предусмотренном ст. 91 УПК РФ, а на основании положений пп. 1 ч. 1 ст. 46 УПК РФ - в связи с возбуждением в отношении него в 16.55 час. 20 мая 2021 года Б. МРСО СУ по ... ГСУ СК России по городу Москве вышеуказанного уголовного дела.

Следственные и иные процессуальные действия с Р. в статусе подозреваемого с участием адвоката Т. были начаты следователем в 18.05 час., и закончены были в 20.20 час. За этот период времени с Р., как с подозреваемым, были проведены два его допроса в качестве подозреваемого и очная ставка между ним и потерпевшей Я. После этого в этот же день в 20.50 час был составлен протокол о задержании Р. в качестве подозреваемого. После составления протокола задержания подозреваемого Р. 20 мая 2021 года в 20.50 час. Р. с участием адвоката Т. в 21.10 час. этого же дня было предъявлено обвинение, а затем проведен его допрос в качестве обвиняемого с 21.15 час. до 21.50 час. Сведений о проведении иных следственных и процессуальных действий с Р. с участием адвоката Т. в материалы дисциплинарного производства не представлено.

Часть 4 ст. 146 УПК РФ устанавливает, что при возбуждении уголовного дела в отношении конкретного лица данное лицо незамедлительно уведомляется об этом обстоятельстве руководителем следственного органа или следователем. Возбуждение 20 мая 2021 года уголовного дела № ... в отношении конкретного лица – Р. обязывало следователя немедленного уведомить его об этом, в том числе с целью реализации Р. его права на свободный выбор защитника. Однако, как указано выше, это право Р. на данном этапе было нарушено.

Часть 2 ст. 46 УПК РФ определяет, что подозреваемый, задержанный в порядке ст. 91 УПК РФ, должен быть допрошен не позднее 24 часов с момента его фактического задержания. Данный срок, установленный в уголовно-процессуальной норме, связан именно с процессуальным решением о задержании подозреваемого в порядке, предусмотренном ст. 91 УПК РФ, и находится в безусловной процессуальной взаимосвязи с аналогичным сроком в 24 часа, указанным в части 4 ст. 50 УПК РФ, устанавливающей обязанность дознавателя и следователя принять меры по назначению защитника

задержанному подозреваемому, если явка приглашенного этим лицом защитника в течение указанных 24 часов невозможна.

Как установлено в ходе дисциплинарного производства, возбуждение уголовного дела № ... в отношении Р. и иных лиц имело место в 16.55 час. 20 мая 2021 года, и с этого момента Р. приобрел статус подозреваемого в соответствии с положениями пп. 1 ч. 1 ст. 46 УПК РФ. Его первичный допрос в качестве подозреваемого состоялся в период с 18.05 час. до 18.58 час. 20 мая 2021 года, то есть практически за два часа до его фактического и процессуального задержания в порядке, предусмотренном ст. 91 УПК РФ. Следовательно, на данную процессуальную ситуацию предусмотренная ч. 2 ст. 46 УПК РФ обязанность следователя допросить подозреваемого не позднее 24 часов с момента его фактического задержания не распространяется.

Именно этим обусловлен тот факт, что следователем после задержания Р. 20 мая 2021 года в 20.50 час. в порядке, предусмотренном ст. 91, 92 УПК РФ, его допрос в качестве подозреваемого не производился, а в 21.10 час. Р. было предъявлено обвинение и в период с 21.15 час. по 21.50 час. Р. был допрошен в качестве обвиняемого.

Дополнительно Совет отмечает, что подозреваемый Р. отказался от реализации права на один телефонный звонок, о чем имеется отметка в протоколе его задержания Р. в качестве подозреваемого.

Кроме того, фактические обстоятельства возбужденного уголовного дела, очевидно, свидетельствуют, что решение о задержании Р. в порядке, предусмотренном ст. 91 УПК РФ, было неочевидно изначально и в значительной мере определялось позицией потерпевшей Я. в отношении подозреваемого Р. Поэтому до подтверждения этой позиции в ходе очной ставки с подозреваемым Р. следователь не находил достаточных оснований для такого задержания. Этот довод подтверждается, в том числе, и указанием в протоколе задержания Р. от 20 мая 2021 года в качестве основания его задержания только на позицию потерпевшей, указавшей на Р. как на лицо, совершившее в отношении неё преступление.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, не находит оснований для вывода о том, что адвокат Т. 20 мая 2021 года в сложившейся и описанной выше процессуальной ситуации был обязан действовать в соответствии с Разъяснениями Совета от 24 сентября 2015 года № 9, поскольку на момент его вступления в дело и участия в допросе подозреваемого Р. последний не был задержан.

По этим причинам Совет приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства в отношении адвоката Т. в этой части дисциплинарных обвинений, выдвинутых в представлении вице-президента Адвокатской палаты города Москвы ... от 28 января 2022 года № ..., вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Переходя к анализу дисциплинарных обвинений в отношении адвоката Т., изложенных в жалобе заявителя Р., Совет отмечает, что заявителем Р. не представлено в материалы дисциплинарного производства каких-либо доказательств, свидетельствующих о том, что адвокат Т. не принимал участия в проводимых с Р. следственных и иных процессуальных действиях 20 мая 2021 года в указанный выше период времени, а подписал протоколы уже после реального проведения процессуальных действий. Более того, Р. в жалобе указывает, что его допрос был завершён к 17.30 час. 20 мая 2021 года, тогда как из полученных документов из Б. районного суда города Москвы следует, что постановление о возбуждении уголовного дела № ... в отношении Р. и других было вынесено только в 16.55 час. 20 мая 2021 года, а первичный допрос Р. в качестве подозреваемого начат в 18.05 час. Каких-либо иных протоколов следственных действий, проведенных с участием Р. в иное время 20 мая 2021 года, в материалы дисциплинарного производства не представлено.

Кроме этого, во всех представленных в дисциплинарное производство протоколах процессуальных действий по уголовному делу № ... в отношении Р. и других содержатся подписи заявителя Р. и не имеется каких-либо (его или иных участников) заявлений или замечаний, в том числе, о несоответствии указанных в них сведений об участии адвоката Т. в конкретном следственном и ином процессуальном действии.

В соответствии с пп. 7 п. 2 ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката на заявителя возлагается бремя доказывания тех обстоятельств, на которых он основывает свои требования.

С учетом изложенного Совет признаёт, что в этой части дисциплинарные обвинения, выдвинутые в жалобе Р., заявителем не доказаны и не нашли подтверждения в ходе дисциплинарного разбирательства.

Не нашли своего подтверждения в ходе дисциплинарного производства и следующие дисциплинарные обвинения, выдвинутые заявителем Р.: в отказе адвоката Т. от разъяснения Р. его прав и обязанностей; в непроведении адвокатом Т. конфиденциальной беседы с Р. до начала следственных и иных процессуальных действий; в отсутствии какой-либо процессуальной реакции адвоката Т. на сообщенные ему Р. сведения о применении к нему психологического и физического давления со стороны сотрудников правоохранительных органов в целях склонения к признанию вины; в отказе адвоката Т. разъяснить Р. существо обвинения; в отсутствии какой-либо реакции адвоката Т. на действия следователя, подсказывающего потерпевшей её показания.

Адвокат Т. последовательно отрицал данные дисциплинарные обвинения, указывая как в своих объяснениях, что все необходимые действия по разъяснению Р. его прав он выполнил, конфиденциальное свидание до начала следственных и иных процессуальных действий с Р. им также проводилось. Никаких сведений о применении к Р. недозволенных методов ведения следствия адвокату Т. со стороны заявителя Р. не сообщалось,

несмотря на конкретные вопросы об этом со стороны защитника. Существо предъявленного Р. обвинения было разъяснено следователем, показания Р. и потерпевшей в протоколах следственных действий следователем записывались без искажений, что подтверждено подписью самого Р.

Подтверждением данной позиции адвоката Т. являются сведения, имеющиеся в протоколах следственных и иных процессуальных действий, находящихся в материалах дисциплинарного производства. Так, в протоколе допроса Р. в качестве подозреваемого, проведенного в период с 18.05 час. до 18.58 час. 20 мая 2021 года имеется подпись Р. под разъяснением ему его прав подозреваемого. Аналогичная подпись Р. имеется и в протоколе дополнительного допроса последнего в качестве подозреваемого, проведенного с 19.00 час. по 19.20 час. 20 мая 2021 года, где помимо разъяснения Р. под роспись его прав подозреваемого, Р., на конкретный вопрос следователя о том, оказывалось ли на Р. давление со стороны следствия и правоохранительных органов, ответил отрицательно, а также сообщил о добровольности дачи им всех показаний по данному уголовному делу. Указанный дополнительный допрос подозреваемого Р. проводился с применением видеозаписи. Как следует из протокола очной ставки между подозреваемым Р. и потерпевшей Я., проведенной в период с 19.30 час. до 20.20 час. 20 мая 2021 года, каких-либо заявлений со стороны Р. относительно незаконных действий следователя, в том числе в части воздействия на показания потерпевшей Я., не содержится, несмотря на конкретный вопрос следователя его участникам о наличии заявления к протоколу. Довод жалобы Р. о неразъяснении ему предъявленного обвинения опровергается соответствующим листом постановления о привлечении Р. в качестве обвиняемого от 20 мая 2021 года, в соответствии с которым под текстом с фразой «сущность предъявленного обвинения разъяснена» и перечнем всех прав обвиняемого, предусмотренных ст. 47 УПК РФ, стоит подпись обвиняемого Р. и адвоката Т.

Дополнительно Совет отмечает, что при даче показаний на всех следственных действиях, проведенных с участием адвоката Т., Р. последовательно отрицал сам факт совершения им полового акта с потерпевшей Я.

При таких обстоятельствах, во взаимосвязи с положениями пп. 7 п. 2 ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката о возложении на заявителя бремени доказывания тех обстоятельств, на которых лицо, обратившееся с жалобой, основывает свои требования, Совет приходит к выводу о том, что эти дисциплинарные обвинения не нашли подтверждения, в связи с чем дисциплинарное производство в данной части подлежит прекращению.

Что касается выдвинутого заявителем Р. дисциплинарного обвинения в отказе адвоката Т. от подачи заявлений, жалоб и ходатайств в интересах Р., то Совет обращает внимание на его несоответствие требованиям пп. 6 и 7 п. 2 ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката, а именно – неконкретность, исключающую возможность его оценки по существу.

По этой причине Совет признаёт, что и в части данного дисциплинарного обвинения дисциплинарное производство подлежит прекращению.

В части довода заявителя Р. об отсутствии с его стороны какой-либо просьбы в адрес следователя об обеспечении участия адвоката в качестве его защитника по назначению, Совет считает необходимым отметить, что сам заявитель Р. в тексте жалобы указывает, что при доставлении его 20 мая 2021 года примерно в 10.00 час. в Б. МРСО СУ по ... ГСУ СК России по городу Москве им в адрес следователя М. было выдвинуто «требование обеспечить адвоката». Обеспечение участия адвоката в качестве защитника может быть осуществлено следователем исключительно в порядке, определённом советом Федеральной палаты адвокатов (ч. 3 ст. 50 УПК РФ). Обеспечение подозреваемого/обвиняемого защитником по соглашению на следователя действующим уголовно-процессуальным законодательством не возложено. Каких-либо данных, свидетельствующих о наличии у Р. на момент его задержания заключенного соглашения с каким-либо адвокатом, в материалы дисциплинарного производства не представлено. Указание заявителя Р. на недостоверные сведения, указанные следователем в постановлении от 20 мая 2021 года о назначении адвоката Т., а именно - отсутствие ссылок в указанном постановлении на какое-либо устное или письменное ходатайство Р. об обеспечении его защитником по назначению, не может рассматриваться в качестве дисциплинарного нарушения именно со стороны адвоката Т., так как адвокат не несет ответственности за содержание процессуальных решений, вынесенных иными участниками уголовного судопроизводства.

Применительно к доводам, изложенным в жалобе Е. от 28 мая 2021 года (вх. № ... от 03.06.2021), Квалификационной комиссией правильно установлено, что 31 марта 2021 года в 17.04 час. в АИС АПМ от старшего следователя межрайонного следственного отдела СУ по ... города Москвы ГСУ СК России по городу Москве У. поступило требование (заявка № ...) об обеспечении участия защитника для осуществления защиты Е. в порядке, установленном ст. 50 и 51 УПК РФ, на стадии предварительного расследования. 31 марта 2021 года в 19.32 час. указанную заявку принял адвокат А., который вступил в уголовное дело в качестве защитника Е., представив ордер от 31 марта 2021 года №

01 апреля 2021 года в 00.06 час. адвокатом А. было заявлено следователю Ма. ходатайство в защиту Е., в котором в числе прочего содержались просьбы адвоката А. о его информировании о следственных и иных процессуальных действиях с участием Е., а также об оформлении отказа Е. от защитника, в случае его заявления, только с участием адвоката А. В ходатайстве были указаны номер телефона «+7 ...» и адрес электронной почты (<...>) адвоката А. Указанное ходатайство было получено и принято следователем Ма. 01 апреля 2021 года.

01 апреля 2021 года в 00.25 час. в помещении служебного кабинета № 3 Г. МРСО СУ по ... ГСУ СК России по городу Москве следователем Ма. с участием адвоката А. составлен протокол задержания подозреваемого Е. По

окончании задержания от защитника Е. – адвоката А. поступило и занесено в протокол заявление следующего содержания: *«В рамках первого свидания Е. сообщил, что «был фактически задержан 31 марта 2021 года в 01 часов 00 минут. В момент его задержания – до момента его доставления в Г. МРСО применялись незаконные методы воздействия, а именно к пальцам его рук было подключено устройство, которое передавало электрический ток (разряд), чем наносилась физическая боль. Настоящий протокол составлен в нарушение ч. 1 ст. 92 УПК РФ. Прошу немедленно освободить Е. Провести его освидетельствование, оказать медицинскую помощь».*

Таким образом, учитывая это заявление адвоката А. и довод жалобы Е. о том, что он фактически был задержан 31 марта 2021 года, а также принимая во внимание факт размещения следователем У. в АИС АПМ заявки № ... для осуществления защиты Е. именно 31 марта 2021 года и принятия её адвокатом А. в тот же день, Совет признаёт установленным, что Е. был фактически задержан в 01.00 час. 31 марта 2021 года.

С 02.30 час. до 02.50 час. 01 апреля 2021 года адвокат А. принял участие в допросе Е. по уголовному делу № ... в качестве подозреваемого. При этом, как следует из протокола допроса подозреваемого Е., он на вопросы следователя не отвечал, заявил следующее: *«В связи с тем, что в отношении меня применялись незаконные методы воздействия, начиная с момента моего фактического задержания, желаю воспользоваться статьей 51 Конституции РФ в рамках настоящего допроса. С подозрением не согласен, считаю его не обоснованным, прошу меня освободить».*

По окончании данного следственного действия адвокат А. покинул Г. МРСО СУ по ... ГСУ СК России по городу Москве.

01 апреля 2021 года в 08.36 час. в АИС АПМ от следователя К. поступило требование (заявка АИС АПМ № ...) об обеспечении участия защитника для осуществления защиты Л. в порядке, установленном ст. 50 и 51 УПК РФ, на стадии предварительного расследования по уголовному делу №

01 апреля 2021 года в 10.20 час. заявку на защиту Л. принял адвокат Т., который вступил в уголовное дело № ... в качестве защитника Е., представив ордер от 01 апреля 2021 года №

В этот же день следователем К. по просьбе адвоката Т. в адрес Директора АК № ... КА «...» Як. было подготовлено письменное обращение, в котором высказывалась просьба о выдаче адвокату Т. ордера с поручением на защиту Е., а не Л., так как в ходе составления заявки в АИС АПМ на обеспечение Е. защитника по назначению следователя, в указании фамилии Е. была допущена «техническая ошибка».

Из приобщенных к материалам дисциплинарного производства процессуальных документов следует, что адвокат Т. принял участие в следующих следственных и иных процессуальных действиях:

- в дополнительном допросе подозреваемого Е. 01 апреля 2021 года в период с 13.40 час. до 15.50 час.;

- в предъявлении Е. обвинения в совершении преступлений, предусмотренных пп. «а», «з» ч. 2 ст. 126, п. «б» ч. 3 ст. 163 УК РФ 01 апреля 2021 года в 17.15 час.;

- в допросе обвиняемого Е. 01 апреля 2021 года в период с 17.16 час. до 17.35 час.;

- в очной ставке между обвиняемыми Е.С. и Е., в том числе с участием защитника Е.С. – адвоката Ш. в период с 19.35 час. до 20.45 час 01 апреля 2021 года.

Из протоколов указанных процессуальных действий следует, что они подписаны, в том числе и Е., которому были разъяснены его процессуальные права. При этом замечания к протоколам следственных действий у их участников отсутствовали, заявления не поступали. Согласно протоколу дополнительного допроса подозреваемого Е. от 01 апреля 2021 года, протоколу допроса обвиняемого Е. от 01 апреля 2021 года, а также протоколу очной ставки между обвиняемыми Е.С. и Е. от 01 апреля 2021 года, Е. правом, предусмотренным ст. 51 Конституции Российской Федерации не воспользовался, а в ходе своего допроса в качестве обвиняемого показал: *«виновным себя в совершении похищения С. в декабре 2019 года с последующим вымогательством и хищением его денежных средств я признаю полностью, в содеянном раскаиваюсь»*. В указанных протоколах также отсутствуют сведения о том, что Е. заявлял о незаконных методах воздействия, пытках и иных формах нарушения своих прав, возражал против осуществления его защиты адвокатом Т., отказывался от него и требовал пригласить адвоката А.

01 апреля 2021 года адвокат Т. обратился в адрес старшего следователя У. с заявлением о своей профессиональной занятости 02 апреля 2021 года в судебном заседании Г. районного суда города Москвы.

02 апреля 2021 года с 15.20 час. до 17.15 час. адвокат Т. принимал участие в судебном заседании Г. районного суда города Москвы по уголовному делу № ... в качестве защитника Б. Согласно сведениям, размещенным на официальном портале судов общей юрисдикции, судебное заседание по указанному уголовному делу было назначено на 14.00 час.

Согласно протоколу судебного заседания Г. районного суда города Москвы от 02 апреля 2021 года по уголовному делу № ..., в указанную дату состоялись прения сторон, в которых принял участие, в том числе, защитник Б. адвокат Т.

02 апреля 2021 года в АИС АПМ от старшего следователя У. поступило требование (заявка АИС АПМ № ...) об обеспечении участия защитника для осуществления защиты Е. в порядке, установленном ст. 50 и 51 УПК РФ, при рассмотрении ходатайства следователя об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу. Указанная заявка распределена адвокату А.

02 апреля 2021 года в АИС АПМ от старшего следователя У. поступило требование (заявка АИС АПМ № ...) об обеспечении участия защитника для осуществления защиты Е. в порядке, установленном ст. 50 и

51 УПК РФ, при рассмотрении ходатайства следователя об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу. Заявку № ... приняла адвокат Ро.

02 апреля 2021 года адвокат А. вступил в уголовное дело № ... в качестве защитника Е. по соглашению, представив удостоверение и ордер от 02 апреля 2021 года № ...

Адвокат Ро. явилась в С. районный суд города Москвы для осуществления защиты Е., однако получив сведения о вступлении в уголовное дело защитника Е. по соглашению – адвоката А., устранилась от участия в уголовном деле.

02 апреля 2021 года С. районным судом города Москвы с участием обвиняемого Е. и его защитника – адвоката А. рассмотрено и удовлетворено ходатайство следователя У. об избрании в отношении Е. меры пресечения в виде заключения под стражу.

Как указано в протоколе судебного заседания С. районного суда города Москвы от 02 апреля 2021 года по материалу № ... по ходатайству следователя У. об избрании в отношении Е. меры пресечения в виде заключения под стражу, обвиняемый Е. возражал против избрания меры пресечения в виде заключения под стражу, а его защитник – адвокат А. заявил, в том числе, что *«Е. преступления на совершил <...> на Е. было оказано давление, он также был лишен права на защиту»*.

Из жалобы заявителя Е. следует, что адвокат Т. обвиняется им:

- во вступлении в уголовное дело в качестве защитника Е. в нарушение установленного порядка оказания юридической помощи адвокатами, участвующими в качестве защитников в уголовном судопроизводстве по назначению, а именно во вступлении в уголовное дело по заявке, в которой фамилия Е. была искажена и указана следователем как «Л.», а также при наличии у Е. защитника по назначению – адвоката А., от которого он не отказывался;

- в подписании адвокатом Т. протоколов следственных действий, в которых Е. фактически не принимал участия и при производстве которых *«никаких показаний не давал и ничего не подписывал»*;

- в оказании неквалифицированной юридической помощи, что выразилось в нереагировании на нарушения прав Е., связанные с применением к последнему оперативными сотрудниками психического и физического насилия, о котором Е. сообщал адвокату Т.;

- в нарушении права Е. на свободный выбор защитника, которое выразилось в участии адвоката Т. в следственных и иных процессуальных действиях до истечения 24-х часового срока с момента его задержания;

- в самоустранении от защиты Е., которое выразилось в неявке в судебное заседание С. районного суда города Москвы 02 апреля 2021 года, в котором было рассмотрено ходатайство следователя об избрании в отношении Е. меры пресечения в виде заключения под стражу.

Рассматривая дисциплинарное обвинение во вступлении адвоката Т. в уголовное дело в качестве защитника Е. в нарушение установленного порядка оказания юридической помощи адвокатами, участвующими в

качестве защитников в уголовном судопроизводстве по назначению, Совет отмечает следующее.

Согласно п. 1 ч. 1 ст. 51 УПК РФ, участие защитника в уголовном судопроизводстве обязательно, если подозреваемый, обвиняемый не отказался от защитника в порядке, установленном ст. 52 УПК РФ. При этом в соответствии с ч. 2 ст. 52 УПК РФ, отказ от защитника не обязателен для дознавателя, следователя и суда. В соответствии с ч. 2 ст. 50 УПК РФ, «по просьбе подозреваемого, обвиняемого участие защитника обеспечивается дознавателем, следователем или судом». При этом согласно ч. 4 ст. 50 УПК РФ, «если в течение 24 часов с момента задержания подозреваемого или заключения подозреваемого, обвиняемого под стражу явка защитника, приглашенного им, невозможна, то дознаватель или следователь принимает меры по назначению защитника в порядке, определенном советом Федеральной палаты адвокатов. При отказе подозреваемого, обвиняемого от назначенного защитника следственные действия с участием подозреваемого, обвиняемого могут быть произведены без участия защитника, за исключением случаев, предусмотренных пунктами 2 – 7 части первой статьи 51 настоящего Кодекса».

В соответствии с ч. 1.1 ст. 92 УПК РФ, «в случае, если защитник участвует в производстве по уголовному делу с момента фактического задержания подозреваемого, его участие в составлении протокола задержания обязательно».

Согласно Федеральному закону «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»:

- адвокатская палата субъекта Российской Федерации создается, в том числе, в целях обеспечения оказания квалифицированной юридической помощи, ее доступности для населения на всей территории данного субъекта Российской Федерации, организации юридической помощи, оказываемой гражданам Российской Федерации бесплатно, контроля за соблюдением адвокатами Кодекса профессиональной этики адвоката (п. 4 ст. 29); при этом Совет адвокатской палаты «организует оказание юридической помощи адвокатами, участвующими в качестве защитников в уголовном судопроизводстве по назначению органов дознания, органов предварительного следствия или суда, в соответствии с порядком, определенным советом Федеральной палаты адвокатов; доводит этот порядок до сведения указанных органов, адвокатов и контролирует его исполнение адвокатами» (пп. 5 п. 3 ст. 31);

- Федеральная палата адвокатов РФ как орган адвокатского самоуправления в Российской Федерации создается в целях координации деятельности адвокатских палат (п. 2 ст. 35); Совет Федеральной палаты адвокатов РФ координирует деятельность адвокатских палат, в том числе по вопросам оказания адвокатами юридической помощи гражданам Российской Федерации бесплатно в рамках государственной системы бесплатной юридической помощи и их участия в качестве защитника в уголовном судопроизводстве по назначению органов дознания, органов

предварительного следствия или суда либо в качестве представителя в гражданском или административном судопроизводстве по назначению суда (пп. 4 п. 3 ст. 37).

В соответствии с пп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката, адвокат обязан выполнять решения органов адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, принятые в пределах их компетенции.

В соответствии с пп. 9 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката в редакции от 20 апреля 2017 года, утвержденной VIII Всероссийским съездом адвокатов, действовавшей до внесения в нее изменений X Всероссийским съездом адвокатов 15 апреля 2021 года, адвокат не вправе оказывать юридическую помощь по назначению органов дознания, органов предварительного следствия или суда в нарушение порядка ее оказания, установленного решением Совета.

В рамках полномочий, предоставленных ему ч. 3 ст. 50 УПК РФ, пп. 3.1 п. 3 ст. 37 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», Совет Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации своим решением от 15 марта 2019 года утвердил Порядок назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве, абз. 2 п. 4.1 которого установлено, что о принятом решении о назначении защитника, в порядке предусмотренном ст. 50 УПК РФ, дознаватель, следователь или суд уведомляют адвокатскую палату (представителей адвокатской палаты) с целью назначения в качестве защитника по уголовному делу того адвоката, которому адвокатская палата (представители адвокатской палаты) поручит участие в данном уголовном деле. Абзацем 2 п. 2.1 Порядка также установлено, что советы адвокатских палат субъектов Российской Федерации в пределах своих полномочий, предусмотренных подпунктом 5 пункта 3 статьи 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», принимают Региональные правила с учетом региональных особенностей.

В городе Москве порядок оказания юридической помощи адвокатами, участвующими в качестве защитников в уголовном судопроизводстве по назначению органов дознания, органов предварительного следствия, прокурора или суда, по состоянию на 01 апреля 2021 года определен Правилами Адвокатской палаты города Москвы по исполнению Порядка назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве, утвержденного решением Совета ФПА РФ от 15 марта 2019 года, а также по организации участия адвокатов в гражданском и административном судопроизводстве по назначению суда в порядке ст. 50 ГПК РФ, ст. 54 КАС РФ, утвержденными Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 30 сентября 2019 года № 176 и согласованными решением Совета Федеральной палаты адвокатов РФ от 24 сентября 2019 года (далее – Правила), доведенными до сведения членов адвокатского сообщества и

других лиц путем опубликования в официальном печатном издании (*Вестник Адвокатской палаты города Москвы. 2019. Выпуск № 3 (146). С. 4-8*) и на официальном сайте Адвокатской палаты города Москвы <<http://www.advokatymoscow.ru>> в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

В соответствии с п. 3 указанных Правил, «Обработка уведомлений дознавателей, следователей или судов (далее – инициаторов) о принятом решении о назначении адвокатов осуществляется Адвокатской палатой города Москвы (далее – Палатой) исключительно посредством Автоматизированной информационной системы Палаты (далее – АИС АПМ). Уведомления инициаторов (далее – уведомление) об обеспечении участия защитника в уголовном судопроизводстве в порядке, установленном статьями 50 и 51 УПК РФ, а также уведомления об обеспечении представителя в порядке, установленном статьей 50 ГПК РФ и статьей 54 КАС РФ, направленные в адвокатское образование или адвокату, исполнению не подлежат. Принятие и (или) осуществление адвокатом защиты или представительства по назначению, поступившему к нему не через АИС АПМ, а равно нарушение иных положений настоящих Правил являются дисциплинарными проступками и влекут за собой применение мер дисциплинарной ответственности».

В соответствии с абз. 1-4 п. 10 Правил, «уведомления об участии адвоката в делах по назначению направляются инициатором в АИС АПМ путем заполнения соответствующей формы на сайте Палаты в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» по адресу <51.advokatymoscow.ru> в соответствии с Инструкцией инициатора по работе в АИС АПМ.

Уведомление может быть также направлено инициатором в АИС АПМ посредством телефонной связи с использованием многоканального телефона, указанного на сайте Палаты в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

В аналогичном порядке инициатор вправе получить оперативную информацию о текущем статусе исполнения соответствующего уведомления. Сведения, предоставленные инициатором в уведомлении, должны быть полными и достоверными. Недостоверность или отсутствие сведений о номере дела, данных о лице, нуждающемся в оказании юридической помощи, и иных сведений, необходимых для оценки наличия или отсутствия препятствий для принятия поручения, являются безусловным основанием для отказа адвоката от вступления в дело».

Согласно п. 11 Правил, «в целях обеспечения своевременного участия адвоката по назначению в плановых следственных и иных процессуальных действиях (в том числе судебных заседаниях) уведомление рекомендуется размещать в АИС АПМ в срок не позднее 24 (двадцати четырех) часов до начала запланированного процессуального действия или судебного заседания.

При наличии предусмотренных Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации оснований для производства неотложных следственных или иных процессуальных действий (в том числе судебного заседания) допускается возможность размещения в АИС АПМ соответствующего уведомления в срочном порядке.

В данном случае, если адвокат, назначенный АИС АПМ для исполнения уведомления, с учетом времени суток, расстояния и иных обстоятельств, влияющих на время его прибытия, не может явиться к месту производства следственных и иных процессуальных действий (в том числе судебного заседания) в указанное инициатором время, он обязан незамедлительно сообщить инициатору по указанным последним контактными телефонам о примерном времени своего фактического прибытия и принять разумные меры для скорейшего прибытия к месту производства следственных и иных процессуальных действий (в том числе судебного заседания) с учетом возможности отнесения соответствующих затрат к процессуальным издержкам».

В соответствии с п. 14 Правил, «адвокат, принявший на себя защиту, представительство по назначению, не вправе без уважительных причин отказаться от исполнения своих обязанностей по оказанию правовой помощи до полного исполнения принятых на себя обязательств иначе как в установленном законом порядке и с учетом соответствующих разъяснений Комиссии по этике и стандартам, утвержденных Советом Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, и разъяснений Адвокатской палаты города Москвы. Замена адвоката допускается только на основании мотивированного постановления дознавателя, следователя или суда. Назначенный в порядке замены адвокат обязан ознакомиться с постановлением о замене, удостовериться в его обоснованности и уведомить ранее назначенного адвоката о получении соответствующего поручения. Отсутствие надлежащих оснований для замены является безусловным основанием для отказа от вступления в дело».

Пункт 15 Правил устанавливает, что «адвокат, принявший на себя защиту, представительство по назначению, не вправе без уважительных причин отказаться от исполнения своих обязанностей по оказанию правовой помощи до полного исполнения принятых на себя обязательств иначе как в установленном законом порядке и с учетом соответствующих разъяснений Комиссии по этике и стандартам, утвержденных Советом Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, и разъяснений Адвокатской палаты города Москвы. Замена адвоката допускается только на основании мотивированного постановления дознавателя, следователя или суда. Назначенный в порядке замены адвокат обязан ознакомиться с постановлением о замене, удостовериться в его обоснованности и уведомить ранее назначенного адвоката о получении соответствующего поручения. Отсутствие надлежащих оснований для замены является безусловным основанием для отказа от вступления в дело».

Требования к деятельности адвоката, дублирующие положения п. 15 Правил, содержатся и Разъяснениях № 13 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката «Об обеспечении непрерывности защиты по назначению» (утверждено Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы 30 сентября 2019 года, Протокол № 11) (*Вестник Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации № 4 (67) 2019. С. 244-247, Вестник Адвокатской палаты города Москвы. 2019. Выпуск № 3 (146). С. 11-12*). При этом в данном Разъяснении дополнительно указано, что отсутствие надлежащих оснований для замены ранее назначенного адвоката требует не только безусловного отказа другого адвоката от вступления в дело, но и оформления соответствующего заявления по данным обстоятельствам.

Одновременно с этим, согласно п. 16 Правил, «адвокат, осуществляющий защиту, представительство по назначению и получивший сведения об участии в деле (вступлении в дело) на стороне его доверителя адвоката по соглашению, обязан руководствоваться действующим законодательством и соответствующими разъяснениями Комиссии по этике и стандартам, утвержденными Советом Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, и разъяснениями Адвокатской палаты города Москвы».

В Инструкции адвоката по работе в АИС АПМ (утверждена приказом Президента Адвокатской палаты города Москвы от 10 марта 2021 года № 10/к) указано, что после назначения адвоката на исполнение заявки данная заявка перемещается в закладку «Назначен». На вкладке «Назначен» адвокату доступен список заявок, по которым был назначен адвокат для выполнения работ. Для просмотра информации по каждой отдельной заявке необходимо нажать кнопку «Подробнее» Форма детальной информации содержит следующий блок: «Информация о подзащитном», в котором содержатся сведения о его ФИО, дате и месте рождения (страницы 41-42 Инструкции, опубликованной на официальном сайте Адвокатской палаты города Москвы
<https://www.advokatymoscow.ru/upload/files/ais_apm_advocate_guide.pdf>). Кроме того, аналогичные положения содержались и в предыдущих редакциях Инструкции.

В ходе дисциплинарного производства установлено, что 01 апреля 2021 года заявку на защиту Л. [здесь и далее выделено Советом] принял адвокат Т., который вступил в уголовное дело № ... в качестве защитника Е., представив ордер от 01 апреля 2021 года №

В своих письменных объяснениях от 16 июня 2021 года (вх. № ... от 16.06.2021) адвокат Т. указывает, что «своевременно прибыл к следователю и выяснил, что в заявке допущена техническая ошибка в фамилии подзащитного, которого в действительности зовут Е.» При этом адвокат Т. в своих письменных и устных объяснениях настаивает на том, что был ознакомлен с отдельными материалами уголовного дела, в том числе и с собственноручным заявлением подозреваемого Е. об отказе от защитника А.

Более того, в заседании Комиссии адвокат Т. пояснил, что именно по его просьбе 01 апреля 2022 года следователем Г. МРСО СУ по ... ГСУ СК России по городу Москве К. в адрес руководителя Адвокатской конторы № ... московской коллегии адвокатов «...» Як., было подготовлено письмо с просьбой в выдаче адвокату Т. ордера с поручением на защиту именно Е., а не Л., как было указано в заявке № ... от 01 апреля 2021 года.

Таким образом, из материалов дисциплинарного производства следует, что адвокат Т. не мог не знать, о том, что заявка № ... от 01 апреля 2021 года размещена в отношении другого лица – Л., а не Е., что являлось безусловным основанием для отказа от его вступления в уголовное дело, поскольку вышеприведенными положениями абз. 4 п. 10 Правил определено, что недостоверность или отсутствие сведений о номере дела, данных о лице, нуждающемся в оказании юридической помощи, и иных сведений, необходимых для оценки наличия или отсутствия препятствий для принятия поручения, являются безусловным основанием для отказа адвоката от вступления в дело.

Однако, вопреки указанным требованиям п. 10 Правил, установив недостоверность данных о лице, нуждающемся в оказании юридической помощи, адвокат Т. не отказался от вступления в уголовное дело в качестве защитника Е., а вступил в него и принял участие в следственных и иных процессуальных действиях.

При этом для адвоката Т. как для профессионального участника уголовного судопроизводства было очевидно, что искажение фамилии Е. в новой заявке произведено следователем не случайно, а с целью уклонения от совершения действий по назначению и замене защитника, в том числе предусмотренных п. 15 Правил и Разъяснениями № 13 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката «Об обеспечении непрерывности защиты по назначению». Данный вывод, помимо прочего, подтверждается изготовлением следователем по просьбе адвоката Т. письма на имя Директора АК № ... КА «...» Як., содержащего просьбу выдать ордер адвокату Т. с указанием в нем данных подозреваемого Е., соответствующих действительности.

При таких обстоятельствах Совет признаёт, что адвокат Т. вступил в уголовное дело № ... в качестве защитника Е. по назначению с нарушением п. 10 Правил Адвокатской палаты города Москвы по исполнению Порядка назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве, утвержденного решением Совета ФПА РФ от 15 марта 2019 года.

Кроме того, им нарушен и пункт 15 указанных Правил, поскольку он вступил в уголовное дело в качестве защитника Е. в отсутствие оснований для замены его защитника адвоката А. и мотивированного постановления следователя об этой замене. Представленные адвокатом Т. в материалы дисциплинарного производства копии постановления следователя о назначении его защитником и заявления Е. об отказе от защитника адвоката А. какой-либо мотивировки не содержат. При этом заявитель Е. последовательно утверждает, что никогда добровольно не отказывался от

адвоката А. (что косвенно подтверждается его вступлением 02 апреля 2021 года в качестве защитника Е. по соглашению). Представитель Е. адвокат А., в свою очередь, ссылается на то, что при его ознакомлении с материалами уголовного дела указанные документы в них отсутствовали, и он впервые увидел их в материалах настоящего дисциплинарного производства.

Совет, обращая внимание на эти противоречия в позициях участников дисциплинарного производства, вместе с тем подчёркивает, что они не влияют на оценку профессионального поведения адвоката Т., поскольку в результате дисциплинарного разбирательства достоверно установлено, что он вступил в уголовное дело в качестве защитника Е. по назначению в отсутствие оснований для замены предыдущего защитника – адвоката А.

Совет также отмечает противоречие между позицией заявителя Е. и его представителя адвоката А., с одной стороны, о том, что адвокат Т. не звонил адвокату А. и не уведомлял его о замене в качестве защитника Е. по назначению следователя, и доводами адвоката Т., с другой стороны, утверждавшего, что он сделал один звонок на номер телефона адвоката А., но соединение не произошло. Иных попыток связаться с адвокатом А. адвокат Т., согласно его пояснениям, не предпринимал, несмотря на то, что в материалах дела, с которыми он ознакомился, имелись как номер телефона, так и электронный адрес адвоката А. Совет считает, что наличие данного противоречия также не влияет на оценку профессионального поведения адвоката Т. как ненадлежащего, не соответствующего пунктам 10 и 15 вышеуказанных Правил и Разъяснений Совета №13.

В связи с вышеизложенным Совет приходит к выводу о ненадлежащем, вопреки предписаниям пп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, пп. 9 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнении адвокатом Т. своих профессиональных обязанностей перед доверителем Е. (честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно отстаивать права и законные интересы доверителя), выразившемся во вступлении 01 апреля 2021 года в уголовное дело № ... в качестве защитника Е. по назначению следователя Г. МРСО СУ по ... ГСУ СК России по городу Москве К. в нарушение установленного порядка оказания юридической помощи адвокатами, участвующими в качестве защитников в уголовном судопроизводстве по назначению, а именно абз. 4 п. 10 и п. 15 Правил Адвокатской палаты города Москвы по исполнению Порядка назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве, утвержденного решением Совета ФПА РФ от 15 марта 2019 года, а также по организации участия адвокатов в гражданском и административном судопроизводстве по назначению суда в порядке ст. 50 ГПК РФ, ст. 54 КАС РФ, утвержденных Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 30 сентября 2019 года № 176 и согласованных решением Совета Федеральной палаты адвокатов РФ от 24 сентября 2019 года.

Переходя к оценке иных дисциплинарных обвинений, выдвинутых Е. в отношении адвоката Т., Совет считает необходимым отметить, что поскольку вступление адвоката Т. в уголовное дело № ... в качестве защитника Е. было осуществлено с нарушением вышеуказанных Порядка и Правил, то есть в отсутствие законных оснований, оценка иных дисциплинарных обвинений заявителя Е. в отношении адвоката Т. не имеет самостоятельного значения для разрешения настоящего дисциплинарного производства. Вместе с тем, такая оценка возможна в соответствии с требованиями п. 4 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката, так как дисциплинарные органы в этом случае не выходят за пределы жалобы Е., явившейся поводом для возбуждения дисциплинарного производства.

Так, рассматривая дисциплинарное обвинение в подписании адвокатом Т. протоколов следственных действий, в которых Е. фактически не принимал участия и при производстве которых «никаких показаний не давал и ничего не подписывал», Совет приходит к выводу об их недоказанности.

В материалах дисциплинарного производства отсутствуют доказательства неучастия Е. 01 апреля 2021 года в производстве следственных действий, как и доказательства того, что Е. «никаких показаний не давал и ничего не подписывал», а адвокат Т., несмотря на это, поставил свою подпись под указанными протоколами.

Адвокат Т. как в своих письменных, так и в устных объяснениях категорически отрицает данные обстоятельства, дает последовательные пояснения по обстоятельствам оказания юридической помощи Е.

Кроме того, из материалов дисциплинарного производства усматривается, что адвокат Т. и заявитель Е. 01 апреля 2021 года приняли участие в очной ставке, проведенной между обвиняемым Е.С. [*братом заявителя – примечание Совета*] и обвиняемым Е., в том числе с участием защитника Е.С. – адвоката Ш., по результатам которой был составлен и подписан протокол очной ставки от 01 апреля 2021 года.

Факты своего участия в данном следственном действии и подписания данного протокола следственного действия заявитель не отрицает. При этом в представленном в материалы дисциплинарного производства письме адвоката Ш. в адрес адвоката Т. и Адвокатской палаты города Москвы от 20 сентября 2021 года указывается, что в ходе указанного следственного действия «какого-либо воздействия, давления, либо иных нарушений со стороны следствия на подзащитных не оказывалось, каких-либо жалоб от подзащитных не поступало». Данные обстоятельства подтверждаются протоколом очной ставки от 01 апреля 2021 года, который подписан Е. и его защитником – адвокатом Т. без каких-либо замечаний или заявлений.

Аналогичным образом, протокол дополнительного допроса подозреваемого от 01 апреля 2021 года и протокол допроса обвиняемого от 01 апреля 2021 года, составленные с участием Е. и его защитника – адвоката Т., не содержат каких-либо заявлений и замечаний со стороны Е. и адвоката Т.

Отмечаемое представителем Е. – адвокатом А. дословное совпадение показаний Е., отраженных в различных протоколах следственных действий, в том числе в протоколе дополнительного допроса подозреваемого Е. от 01 апреля 2021 года, протоколе допроса обвиняемого Е. от 01 апреля 2021 года и протоколе очной ставки от 01 апреля 2021 года, само по себе не может рассматриваться как безусловное доказательство именно того, что адвокат Т. подписал данные протоколы следственных действий в отсутствие Е.

Из содержания протокола дополнительного допроса Е. в качестве подозреваемого от 01 апреля 2021 года следует, что он проводился «...в присутствии защитника адвоката Т., предъявившего удостоверение № ..., выданного 25.03.2003 ГУ МЮ РФ по г. Москве; ордер № ..., выдан 01.04.2021 коллегией адвокатов “...”». При этом данный текст, как и весь текст протокола дополнительного допроса подозреваемого Е., выполнен машинописным способом, каждая страница протокола содержит внизу подписи подозреваемого Е. и защитника Т. На последнем листе данного протокола указано об отсутствии каких-либо заявлений от участвующих в допросе лиц.

Аналогичным образом оформлено участие адвоката Т. и в протоколе допроса Е. в качестве обвиняемого от 01 апреля 2021 года. Протокол в полном объеме распечатан на принтере и представляет собой единый текст, который прочитан Е. лично и подписан без замечаний. При этом Е. подписана каждая страница протокола и соответствующие графы протокола об отсутствии заявлений и замечаний. В данном протоколе, помимо подписи самого Е., на каждой странице проставлена подпись адвоката Т.

При этом Совет отмечает, что как протокол дополнительного допроса подозреваемого Е. от 01 апреля 2021 года, так и протокол допроса обвиняемого Е. от 01 апреля 2021 года были представлены следователем в С. районный суд города Москвы в обоснование ходатайства об избрании в отношении Е. меры пресечения в виде заключения под стражу уже 02 апреля 2021 года. В ходе рассмотрения 02 апреля 2021 года судом этого ходатайства следователя Е. и его защитником по соглашению – адвокатом А. заявлений о фальсификации протоколов указанных следственных действий не делалось. Кроме того, даже из отклоненных постановлением С. районного суда города Москвы от 07 мая 2021 года замечаний адвоката А. от 07 мая 2021 года на протокол судебного заседания от 02 апреля 2021 года усматривается, что в ходе судебного заседания 02 апреля 2021 года по материалу № ... Е. заявлял, что «свои показания последние» он «не поддерживает», тем не менее, не отрицая своего участия в следственных и иных процессуальных действиях 01 апреля 2021 года.

Указанные обстоятельства не позволяют Совету прийти к выводу об обоснованности дисциплинарного обвинения в том, что протокол дополнительного допроса подозреваемого Е. от 01 апреля 2021 года и протокол допроса обвиняемого Е. от 01 апреля 2021 года были составлены и подписаны адвокатом Т. не 01 апреля 2021 года, а в иную дату, и что в

следственных действиях, проведенных 01 апреля 2021 года с участием защитника – адвоката Т., Е. не принимал участия.

Дополнительно Совет считает необходимым отметить, что доводы жалобы Е. о том, что адвокат Т. подписал данные протоколы следственных действий без фактического участия Е. в них, а равно и о совершении адвокатом Т. действий в интересах следователей, о негласной помощи органам следствия в условиях применения к Е. незаконных методов ведения следствия, фактически являются обвинениями в совершении адвокатом Т. противоправных действий, которые могут содержать признаки преступлений.

В этой связи Совет отмечает, что согласно Разъяснениям Комиссии Федеральной палаты адвокатов РФ по этике и стандартам по вопросам применения п. 3 ст. 21 Кодекса профессиональной этики адвоката, утвержденным Советом Федеральной палаты адвокатов РФ 28 января 2016 года (Протокол № 3), доведенным до сведения членов адвокатского сообщества и других лиц путем опубликования в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на официальном сайте Федеральной палаты адвокатов РФ (<<http://www.fparf.ru>>), компетенция квалификационной комиссии и совета адвокатской палаты субъекта РФ включает установление в действиях (бездействии) адвоката только признаков дисциплинарного проступка и применение к адвокату мер дисциплинарной ответственности. Установление в поведении адвоката (как и любого другого лица) признаков уголовно-наказуемого деяния или административного правонарушения возможно лишь в порядке, предусмотренном соответствующим законодательством. Порядок уголовного судопроизводства на территории РФ устанавливается УПК РФ и является обязательным для судов, органов прокуратуры, органов предварительного следствия и органов дознания, а также иных участников уголовного судопроизводства (ч. 1 и ч. 2 ст. 1 УПК РФ). Следовательно, вопрос о наличии в действиях (бездействии) адвоката признаков уголовно-наказуемого деяния может быть решен только в порядке уголовного судопроизводства, определенном УПК РФ.

С учетом изложенного Совет разъясняет заявителю Е., что в том случае, если он считает, что адвокатом Т. совершены деяния, содержащие признаки каких-либо преступлений, он может обратиться с соответствующим заявлением в органы, осуществляющие уголовное преследование.

Рассматривая дисциплинарное обвинение в оказании некачественной юридической помощи, выразившемся в нереагировании на нарушения прав подзащитного Е., Совет отмечает, что в силу подп. «а» п. 5 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве (Принят VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 года, опубликован на официальном сайте Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации <<http://fparf.ru>>, а также в издании «Вестник Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации. 2017. № 2 (57)». С. 140-142) (далее – Стандарт), адвокат должен согласовать с

подзащитным позицию по делу, для чего «принимает меры к выяснению существа обвинения или подозрения, в том числе посредством ознакомления с процессуальными документами, составленными с участием подзащитного, и иными документами, которые предъявлялись либо должны были ему предъявляться».

Согласно объяснениям адвоката Т., по прибытии в Г. МРСО СУ по ... ГСУ СК России по городу Москве он заявил следователю устное ходатайство об ознакомлении с протоколами всех следственных и иных процессуальных действий, проведенных с участием подзащитного, а также со всеми документами, которые должны быть предъявлены подозреваемому Е. Данное ходатайство было удовлетворено. Адвокат Т. ознакомился со всем объемом процессуальных документов. В представленных следователем материалах имелся ордер адвоката А., в котором в качестве основания для участия в уголовном деле было указано: «назначение, ст. 51 УПК РФ», а также рукописное заявление Е. об отказе от данного защитника, протокол задержания подозреваемого Е., протокол допроса Е. в качестве подозреваемого, а также прочие документы, светокопии которых адвокат Т. представил в материалы дисциплинарного производства.

Поскольку все материалы адвокату Т. были следователем представлены, письменных ходатайств адвокат Т. не заявлял.

Положения ст. 53 и 119 УПК РФ не предусматривают требования к заявлению ходатайства об ознакомлении с материалами уголовного дела, предусмотренными п. 6 ч. 1 ст. 53 УПК РФ, исключительно в письменной форме, а также не закрепляют обязанности следователя по составлению протокола ознакомления защитника с указанными материалами.

Учитывая факт представления адвокатом Т. светокопий указанных процессуальных документов в материалы дисциплинарного производства, а также его последовательные объяснения об устном заявлении ходатайства об ознакомлении с ними 01 апреля 2021 года, Совет не имеет оснований для признания анализируемого дисциплинарного обвинения обоснованным.

Переходя к оценке дисциплинарного обвинения в том, что адвокат Т. не «никак не отреагировал» на просьбы Е. и его заявления о пытках, проявил нежелание оказывать ему юридическую помощь, Совет отмечает, что адвокат Т. в своих объяснениях указал, что выяснял непосредственно у подзащитного Е. наличие у него жалоб на состояние здоровья и необходимость оказания ему медицинской помощи, однако получил отрицательные ответы.

Как указано выше, протоколы всех следственных действий, произведённых 01 апреля 2021 года, подписаны Е., который не сделал каких-либо заявлений или замечаний, а также не заявлял ходатайств, в том числе о нарушении его прав и об оказании ему медицинской помощи. Не поступило соответствующих замечаний или ходатайств и от обвиняемого Е.С. [*Брата заявителя – Примечание Совета*] и его защитника Ш., участвовавших в очной ставке 01 апреля 2021 года и также подписавших протокол данного следственного действия.

Из материалов дисциплинарного производства следует, что адвокат А. осуществлял защиту Е. по соглашению в судебном заседании С. районного суда города Москвы 02 апреля 2021 года по рассмотрению ходатайства следователя У. об избрании в отношении Е. меры пресечения в виде заключения под стражу. При этом ни из протокола судебного заседания С. районного суда города Москвы от 02 апреля 2021 года, ни из замечаний адвоката А. на данный протокол судебного заседания от 07 мая 2021 года не следует, что адвокат А., а равно и сам Е. требовали проведения медицинского освидетельствования Е. на наличие телесных повреждений и травм, требовали оказания Е. медицинской помощи, хотя с момента предполагаемого применения пыток в отношении Е. прошло не более двух суток.

Не представлено в материалы дисциплинарного производства и аналогичных обращений адвоката А. к администрации соответствующего учреждения УФСИН России по городу Москве.

При таких обстоятельствах Совет не считает возможным признать обоснованным дисциплинарное обвинение в том, что адвокат Т. оказывал Е. квалифицированную юридическую помощь при производстве с его участием следственных и иных процессуальных действий 01 апреля 2021 года, не реагировал на его просьбы и обращения.

Рассматривая дисциплинарное обвинение в участии адвоката Т. в следственных и иных процессуальных действиях до истечения 24-х часового срока с момента его задержания, Совет исходит из положений пп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката, в силу которых адвокат обязан выполнять решения органов адвокатской палаты субъекта Российской Федерации и органов Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, принятые в пределах их компетенции.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в Разъяснениях от 24 сентября 2015 года № 9 «О соблюдении требований части 3 и части 4 статьи 50 УПК РФ при осуществлении защиты по назначению» указал, что «24-х часовая срок явки приглашенного защитника с момента задержания подозреваемого или заключения подозреваемого, обвиняемого под стражу является особым – как в силу своей сжатости, так и более жестких правил назначения защитника (без предложения пригласить другого защитника взамен неявившегося). Ситуация, в которой оказывается подозреваемый в первые часы после задержания, полностью исключает злоупотребление правом с его стороны. <...> На основании изложенного, Совет разъясняет: адвокат, назначенный защитником задержанного, подозреваемого или заключенного под стражу подозреваемого, прибыв к дознавателю, следователю, обязан выяснить точное время фактического задержания, заключения под стражу, и после свидания с подозреваемым, обвиняемым наедине не принимать участия в каких-либо процессуальных действиях до истечения, предусмотренного ч. 4 ст. 50 УПК РФ, 24-часового срока для явки

приглашенного защитника. Кроме случая, когда будет представлено не вызывающее сомнений в своей достоверности подтверждение невозможности явки адвоката, с которым заключено соглашение, в тот же срок. Невыполнение данного разъяснения будет расцениваться как нарушение пп. 1 п. 1 ст. 7 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», п. 1 ст. 8 и ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, устанавливающих обязанность адвоката честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно отстаивать права и законные интересы доверителя, следить за соблюдением закона в отношении доверителя и в случае нарушения прав доверителя ходатайствовать об их устранении» (Вестник Адвокатской палаты г. Москвы. 2015. № 3 (129). С. 39-42).

Как указано и обосновано выше, Совет в настоящем дисциплинарном производстве исходит из того, что Е. был фактически задержан 31 марта 2021 года в 01.00 час. Следовательно, адвокат Т. вступил в уголовное дело за пределами 24-часового срока с этого момента.

Совет обращает внимание представителя заявителя Е. – адвоката А. на ошибочное толкование п. 15 ст. 5 УПК РФ, в соответствии с которым под моментом фактического задержания лица понимается именно момент «фактического лишения свободы передвижения лица, подозреваемого в совершении преступления». При этом согласно п. 11 ст. 5 УПК РФ, «задержание подозреваемого – мера процессуального принуждения, применяемая органом дознания, дознавателем, следователем на срок не более 48 часов с момента фактического задержания лица по подозрению в совершении преступления». Таким образом, уголовно-процессуальный закон различает понятия момента фактического задержания и оформления задержания подозреваемого как меры процессуального принуждения. При этом, по смыслу уголовно-процессуального закона, срок задержания подозреваемого исчисляется именно с момента фактического задержания подозреваемого, а не исходя из времени, указанного в протоколе задержания.

Несоблюдение следователем требований по применению указанной меры процессуального принуждения, включая и положений ст. 92 УПК РФ, может затруднить определение момента задержания, но не влечет его изменение, поскольку он определяется фактическим лишением свободы передвижения лица.

Постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2000 года № 11-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова» установлено, что норма статьи 48 (часть 2) Конституции Российской Федерации определенно указывает на сущностные признаки, характеризующие фактическое положение лица как нуждающегося в правовой помощи в силу того, что его конституционные права, прежде всего на свободу и личную неприкосновенность, ограничены, в том числе в связи с уголовным преследованием в целях установления его виновности. Поэтому

конституционное право пользоваться помощью адвоката (защитника) возникает у конкретного лица с того момента, когда ограничение его прав становится реальным.

По буквальному смыслу положений, закрепленных в статьях 2, 45 и 48 Конституции Российской Федерации, право на получение юридической помощи адвоката гарантируется каждому лицу независимо от его формального процессуального статуса, в том числе от признания задержанным и подозреваемым, если управомоченными органами власти в отношении этого лица предприняты меры, которыми реально ограничиваются свобода и личная неприкосновенность, включая свободу передвижения, – удержание официальными властями, принудительный привод или доставление в органы дознания и следствия, содержание в изоляции без каких-либо контактов, а также какие-либо иные действия, существенно ограничивающие свободу и личную неприкосновенность.

Заявитель Е. и его представитель – адвокат А. указывают, что Е. был фактически задержан 31.03.2021 в 01 часов 00 минут. Данное утверждение никем из участников настоящего дисциплинарного производства не оспаривается. Фактическое задержание Е. 31 марта 2021 года, а не 01 апреля 2021 года, подтверждается также временем размещения следователем и принятия адвокатом А. заявки АИС АПМ № ... для осуществления защиты Е. именно 31 марта 2021 года.

По этим причинам у Совета при оценке рассматриваемого дисциплинарного обвинения нет оснований для иного исчисления срока задержания Е.

Впоследствии, 01 апреля 2021 года в 10.20 час., заявку на защиту Л. принял адвокат Т., который вступил в уголовное дело № ... в качестве защитника Е.

Совет также считает необходимым отметить, что системный анализ содержания Разъяснения Совета от 24 сентября 2015 года № 9 дает основание утверждать, что его положения находятся в прямой взаимосвязи с требованиями ч. 2 ст. 46 и ч. 4 ст. 50 УПК РФ, в которых 24-часовой срок, предоставляемый задержанному подозреваемому на реализацию его права на свободный выбор защитника, тесно увязан с обязанностью следователя впервые допросить подозреваемого в течение этого же срока с момента его задержания. Именно по этой причине в Разъяснении 24-часовой срок явки приглашенного защитника с момента задержания подозреваемого или заключения подозреваемого под стражу назван особым, а ситуация, в которой оказывается подозреваемый в первые часы после задержания – исключаяющей злоупотребление правом с его стороны.

Как следует из материалов, представленных в дисциплинарное производство, первый допрос подозреваемого Е. был осуществлен следователем 01 апреля 2021 года в период с 02.30 час. до 02.50 час. с участием защитника Е. по назначению – адвоката А., что само по себе исключало для адвоката Т. необходимость воздерживаться от участия в следственных и иных процессуальных действиях в качестве защитника Е. по

мотиву неистечения предусмотренного ч. 4 ст. 50 УПК РФ 24-х часового срока явки приглашенного защитника.

При таких обстоятельствах Совет приходит к выводу о необходимости прекращения дисциплинарного производства в части дисциплинарного обвинения в нарушении права Е. на свободный выбор защитника, которое выразилось в участии адвоката Т. в следственных и иных процессуальных действиях до истечения 24-х часового срока с момента фактического задержания Е., вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката Т. нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Не находит своего подтверждения и дисциплинарное обвинение в самоустранении адвоката Т. от защиты Е., выразившееся в неявке в судебное заседание С. районного суда города Москвы 02 апреля 2021 года по рассмотрению ходатайства следователя об избрании в отношении Е. меры пресечения в виде заключения под стражу.

Как правильно установлено Квалификационной комиссией, 02 апреля 2021 года адвокат А. вступил в уголовное дело № ... в качестве защитника Е. по соглашению, представив удостоверение и ордер от 02 апреля 2021 года № ...

Согласно Разъяснениям № 11 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката (утверждены Советом 18 января 2016 года), «...Совет Адвокатской палаты города Москвы считает недопустимым осуществление адвокатами защиты по назначению наряду с адвокатами, осуществляющими защиту тех же лиц на основании соглашения, за исключением случая, указанного в п. 3 настоящих Разъяснений. Во всех прочих случаях защитник по назначению не вправе принимать участие (в том числе, продолжать ранее начатое им участие) в дознании, предварительном следствии либо в рассмотрении дела судом при наличии у подозреваемого, обвиняемого защитника по соглашению, от которого он не отказался и который не отведен от участия в деле в порядке и на основаниях, предусмотренных законом» (*Опубликованы на официальном сайте Адвокатской Палаты города Москвы* (<https://www.advokatymoscow.ru/advocate/docs/elucidate/5523/>)).

В соответствии с абз. 3-4 п. 4 Рекомендаций Совета ФПА РФ об обеспечении непрерывности защиты по назначению, утвержденных Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 28 ноября 2019 года, «Недопустимо осуществление адвокатами защиты по назначению наряду с адвокатами, осуществляющими защиту тех же лиц на основании соглашения, за исключением случая, указанного в п. 18 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 июня 2015 года № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве». Согласно данному разъяснению отказ от защитника по назначению при наличии у того же лица защитника по соглашению может быть не принят дознавателем, следователем или судом лишь тогда, когда процессуальное

поведение защитника по соглашению, либо поведение подозреваемого, обвиняемого при реализации права на свободный выбор защитника, будучи явно недобросовестным, ущемляет конституционные права других участников судопроизводства. Следовательно, назначение или продолжение участия в деле защитника по назначению при наличии у того же лица защитника по соглашению не может рассматриваться как недопустимое дублирование функций защиты, нарушающее конституционное право подозреваемого, обвиняемого на свободный выбор защитника, только при условии, что процессуальное решение дознавателя, следователя или суда, которым отклонен заявленный отказ от защитника по назначению, не только вынесено в соответствии с требованиями закона, но и содержит указание именно на такое недобросовестное поведение подозреваемого, обвиняемого и/или защитника (защитников) по соглашению, с приведением конкретных фактических обстоятельств, подтверждающих обоснованность этого вывода.

Во всех прочих случаях защитник по назначению не вправе принимать участие (в том числе, продолжать ранее начатое им участие) в дознании, предварительном следствии либо в рассмотрении дела судом при наличии у подозреваемого, обвиняемого защитника по соглашению, от которого он не отказался и который не отведен от участия в деле в порядке и на основаниях, предусмотренных законом» (*Вестник Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации. 2020. № 1 (69). С. 80*).

В силу вышеуказанных разъяснений о недопустимости дублирования функции защиты у адвоката Т. не было оснований для участия в осуществлении защиты Е. в судебном заседании С. районного суда города Москвы 02 апреля 2021 года в качестве защитника по назначению.

Как установлено Квалификационной комиссией, адвокат Т. 02 апреля 2021 года в ходе указанного телефонного разговора со следователем получил информацию о вступлении в уголовное дело защитника Е. по соглашению.

Отсутствие оснований для продолжения участия адвоката Т. в уголовном судопроизводстве в качестве защитника Е. подтверждается и тем, что адвокат Ро., принявшая заявку АИС АПМ от 02 апреля 2021 года № ... и явившаяся в С. районный суд города Москвы для осуществления защиты Е., также была вынуждена устраниваться от участия в данном уголовном деле, поскольку получила сведения о вступлении в уголовное дело защитника Е. по соглашению – адвоката А.

При этом Совет отмечает противоречивость доводов жалобы заявителя Е. Так, утверждая о том, что он был категорически против осуществления его защиты адвокатом Т. и сообщал ему об этом, Е., в тоже время, выдвигает против адвоката Т. дисциплинарные обвинения в самоустранении от осуществления его защиты при рассмотрении судом ходатайства следователя об избрании в отношении него меры пресечения в виде заключения под стражу. Данные противоречия также указывают на надуманность рассматриваемого дисциплинарного обвинения.

Исбирая, в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката, меру дисциплинарной ответственности

адвоката Т. за совершенные им дисциплинарные нарушения, Совет учитывает их умышленный и злостный характер, сопряжённый с явным, грубым и систематическим игнорированием адвокатом обязательных профессиональных правил вступления в уголовное дело и участия в нём в качестве защитника. Последовательное игнорирование императивного нормативного запрета вступления в уголовное дело в отсутствие законных оснований (назначения в установленном порядке или заключения соглашения об оказании юридической помощи на основе свободного выбора адвоката доверителем) в совокупности с явным нежеланием исправления своего профессионального поведения свидетельствует о преследовании адвокатом Т. в профессиональной деятельности интересов и целей, несовместимых со статусом адвоката.

Совет принимает во внимание, что нарушения указанного выше запрета совершались адвокатом Т. систематически на протяжении двух лет, при этом Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 30 ноября 2021 № ... к нему уже была применена мера дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за аналогичные действия.

Эти обстоятельства свидетельствуют о стойком нежелании адвоката Т. соблюдать установленные адвокатским сообществом обязательные требования и разделять профессиональные ценности.

Совокупность описанных обстоятельств убедительно показывает, что адвокат Т. не обладает необходимыми для осуществления адвокатской деятельности профессиональными и этическими качествами и не желает их приобретать.

При таких обстоятельствах Совет признаёт профессиональное поведение адвоката Т. несовместимым с нахождением в составе адвокатского сообщества и приходит к выводу о применении к нему меры дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката.

Совет не находит возможности применения к адвокату Т. более мягкой меры дисциплинарной ответственности из числа предусмотренных п. 6 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката, как в силу требования справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренного п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката, так и в силу того, что оставление Т. в составе адвокатского сообщества могло бы дать основание полагать, что совершённые им систематические нарушения совместимы со статусом адвоката.

Совет оценивает, как явно надуманные ссылки адвоката Т. на компьютерную малограмотность и желание помочь людям как на причины систематического совершения им нарушений. При этом Совет обращает внимание на то, что адвокат Т. успешно и беспрепятственно принимает заявки в АИС АПМ на протяжении трёх лет, сочетая эту деятельность с незаконным вступлением в уголовные дела в качестве защитника по назначению в отсутствие законных оснований.

В соответствии с п. 2 ст. 17 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» статус адвоката может быть прекращен

по решению совета адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, в региональный реестр которого внесены сведения об адвокате, на основании заключения квалификационной комиссии при:

1) неисполнении или ненадлежащем исполнении адвокатом своих профессиональных обязанностей перед доверителем;

2) нарушении адвокатом норм кодекса профессиональной этики адвоката;

3) неисполнении или ненадлежащем исполнении адвокатом решений органов адвокатской палаты, принятых в пределах их компетенции.

Определяя в соответствии с п. 7 статьи 18 Кодекса профессиональной этики адвоката срок, по истечении которого Т. может быть допущен к сдаче квалификационного экзамена, Совет, с учётом тяжести нарушений и всей совокупности установленных обстоятельств, возраста и иных данных о личности Т., считает необходимым установить этот срок в 1 (один) год.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п.п. 1, 4, 7, подп. 3 п. 6 ст. 18, подп. 1 и 2 п. 1, п. 1.1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы

р е ш и л:

Применить к адвокату Т. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы) меру дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката за:

- нарушение взаимосвязанных положений пп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 9 п. 1 ст. 9 и п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката, что выразилось в осуществлении защиты 20 мая 2021 года Р., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ч. 3 ст. 131 УК РФ, по уголовному делу № ..., находившемуся в производстве следователя Б. МРСО СУ по ... ГСУ СК России по городу Москве, в нарушение установленного Порядка назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве (утверждён Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 15 марта 2019 года), а также Правил Адвокатской палаты города Москвы по исполнению Порядка назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве, утвержденного решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 15 марта 2019 года, а также по организации участия адвокатов в гражданском и административном судопроизводстве по назначению суда в порядке ст. 50 ГПК РФ, ст. 54 КАС РФ (утверждены Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 30 сентября 2019 года № 176);

- ненадлежащее, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 и ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики

адвоката, исполнение своих профессиональных обязанностей перед доверителем Р. (честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно отстаивать права и законные интересы доверителя, следить за соблюдением закона в отношении доверителя и в случае нарушений прав доверителя ходатайствовать об их устранении), что выразилось в принятии им, в условиях нарушения права Р. на свободный выбор защитника, участия 20 мая 2021 года в производстве перечисленных выше следственных и иных процессуальных действий по уголовному делу № ..., находящемуся в производстве Б. МРСО СУ по ... ГСУ СК России по городу Москве;

- нарушение взаимосвязанных положений пп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 9 п. 1 ст. 9 и п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката, что выразилось в осуществлении защиты Б. в период с 01 апреля 2020 года по 18 мая 2021 года в ходе предварительного расследования Г. МРСО СУ по ... ГСУ СК России по городу Москве уголовного дела № ... и в Г. районном суде города Москвы, включая подачу 18 мая 2021 года апелляционной жалобы на приговор Г. районного суда города Москвы от 05 апреля 2021 года по уголовному делу № ..., в нарушение установленного Порядка назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве (утверждён Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 15 марта 2019 года), а также Правил Адвокатской палаты города Москвы по исполнению Порядка назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве, утвержденного Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 15 марта 2019 года, а также по организации участия адвокатов в гражданском и административном судопроизводстве по назначению суда в порядке ст. 50 ГПК РФ, ст. 54 КАС РФ (утверждены Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 30 сентября 2019 года № 176);

- ненадлежащее, вопреки предписаниям пп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, пп. 9 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнение своих профессиональных обязанностей перед доверителем Е. (честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно отстаивать права и законные интересы доверителя), что выразилось во вступлении 01 апреля 2021 года в уголовное дело № ... в качестве защитника Е. по назначению следователя Г. МРСО СУ по ... ГСУ СК России по городу Москве К. в нарушение установленного Порядка назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве (утв. решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 15 марта 2019 года) и абз. 4 п. 10, п. 15 Правил Адвокатской палаты города Москвы по исполнению Порядка назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве, утвержденного Решением Совета ФПА РФ от 15 марта 2019 года, а также по организации участия адвокатов в гражданском и административном

судопроизводстве по назначению суда в порядке ст. 50 ГПК РФ, ст. 54 КАС РФ, утвержденных Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 30 сентября 2019 года № 176 и согласованных решением Совета Федеральной палаты адвокатов РФ от 24 сентября 2019 года.

Установить срок, по истечении которого Т. может быть допущен к сдаче квалификационного экзамена на приобретение статуса адвоката, в 1 (один) год.

Прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката Т. по жалобе Р. от 16 декабря 2021 года (вх. № ... от 21.12.2021) и по представлению вице-президента Адвокатской палаты города Москвы ... от 28 января 2022 года № ..., а также по жалобе Е. от 28 мая 2021 года (вх. № ... от 03.06.2021), вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

**Президент
Адвокатской палаты города Москвы**

И.А. Поляков